

Надежда КУСКОВА

г. Мышкин
Ярославской области

ПОТЕРЯННЫЙ ЖЕТОН

Документальная повесть

В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНИИ

Палата небольшая, на четыре койки, твоя – в ногах у трёх других, головой к окну. Окон здесь всего два, в них упираются ветки каких-то разлапистых деревьев. Они елозят по стёклам, издавая скрипящие тревожные звуки. И без этого тошной тошного. Ты получил тяжелейшую травму позвоночника. Лежишь бездвижно, над тобой на стойке гроздь из четырёх капельниц. Врачи определяют состояние как стабильно тяжёлое. То и дело подходят медсёстры, делают уколы, замеряют давление. Вот уже второй день, как мы в специализированной больнице областного центра. Завтра – операция, очень тяжёлая, со мной беседовал нейрохирург Олег Владиславович и сказал, что нужно быть готовой ко всему, даже к самому худшему. Сначала я его не понимаю, голова отказывается воспринимать информацию. Это с нами ли происходит? Господи, мы ли это?

Всего два дня прошло, и целая вечность, потому что начали жить (жить?) в другом измерении. Тогда мы были полны планов и ещё за праздничным столом с азартом говорили, что твою новую книгу

повестей и рассказов, выпущенную к юбилею, лучше всего презентовать сначала в Ярославле. И только потом для своих в Мышкине. Это первая книга твоей прозы, увесистый яркий том. Мы очень ждали его появления... Наши ярославские друзья поддерживают это решение, обещают помочь с организацией вечера.

То была реальность, а сейчас длится неотвязный сон-кошмар. Трудней всего ночью. Тебя со всех сторон обступает болезнь. Наверно, ты не осознаёшь ещё катастрофы, но сквозь лекарства, которые в тебя вкачивают литрами, болят, конечно, болят переломанные и грудина, и рёбра, и лопатка, они выше места повреждения позвонков, ты их должен чувствовать.

У меня тоже сдавливает грудь, захватывает дыхание, когда думаю, что всего страшного, что с нами случилось, можно бы избежать, не выйди ты тогда из ресторана один на бульвар.

Ты не стал дожидаться, пока я найду и отдам в гардеробе дежурной, пожилой женщине, с плоскими, широкими губами, номерок, решил прогуляться один – всего-то пятьдесят шагов – до Волги. И как в

тучку канул – нет. Так и не найдя этого злосчастливого жетона, я шла следом. Думала, что неплохо после душевного зала постоять над волжским обрывом, послушать, как плещется река о камни внизу, представляя лицо прохладному влажному ветру и срывающимся из туч редким дождикам.

Но на обрыве холодно и темно, ближе к Дому ремесел человек семь подростков, собравшись в кружок, что-то, оживлённо жестикулируя, обсуждают. Я не боюсь ходить по своему маленькому городку даже глубокой ночью. Но... Волна тревоги с головой накрывает меня. Не могу высказать её словами, ищу глазами между столетних берёз тебя, твой силуэт... Тебя нет.

Успокаиваю себя, наверно, ты поторопился домой, не дождавшись меня. Ты ведь любишь потоптаться один на кухне, как ёжик, заварить крепчайший чай по-своему, по-колымски. Детство определяет во многом наши взрослые привычки и пристрастия. А твоё детство прошло на Колыме.

Квартира встречает меня тёмными, без огонька, окнами. Такого никогда в нашей жизни не было. Ты не шутил так жестоко, зная, что буду беспокоиться, всегда говорил, где ты и когда придёшь. И почти все вечера с тех пор, как дочка уехала в Ярославль, проводили вдвоём. Ждать дома – нет сил. Тревога гонит на улицу, так и хожу туда-сюда до глубокой ночи, несколько раз прочёсываю бульвар – вокруг ни человека, ни звука – одна мрачная тёмная пустыня. Возвращаюсь домой подавленная, разбитая. И – конец ожиданию, раздаётся телефонный звонок.

Хозяйка ресторана, где проходил наш вечер, в прошлом сотрудница районной газеты, торопливо говорит:

– Только не волнуйтесь. Его нашли под обрывом. Он в сознании. Голова цела.

Мама, милая мамочка! Голова цела, а всё другое?

В приёмном покое никого. Только какой-то парень в куртке, похожей на ватник, сидит в углу на корточках. Потом мне сказали, что это он нашёл тебя, услышал призывы о помощи из-под обрыва, вызвал скорую, помогал нести...

Твои ботинки в глине, плащ, брюки, пиджак, рубашка. Как страшна эта грудка бесприютной измятой, мокрой, грязной одежды. Как это не подходит тебе, такому аккуратному и даже порой педантичному.

Нахожу тебя в палате, ты ужасно обрадовался, увидев меня:

– Надя, где же ты была? Я тебя звал-звал, когда очнулся.

Мы не виделись целую вечность и встретились в другой жизни. Но это нам придётся ещё уяснять и уяснять долгие месяцы.

– Я тебя искала всё это время, – говорю и стараюсь, чтобы голос звучал ровно, чтобы не завывть по-бабьи от жалости, от горя, от охватившего смутения.

– У Николая Васильевича шок, – объясняет невысокая, быстрая и ловкая медсестра, она уже делает какие-то уколы.

Да как же не быть шоку. Шевелится одна голова да правая рука. Туловище бездвижно. Потом, в Ярославле, выяснятся и другие страшные подробности: у тебя сломаны рёбра, грудина, лопатка и, самое тяжёлое, перелом в грудном отделе позвоночника. Замечая, что не можешь сам мочиться. Та же ловкая медсестра вводит катетер, задыхаешься, не хватает воздуха – дают кислород из огромного баллона, похожего на те, которые используются в деревнях для газовых плит. Он стоит в углу двухместной палаты.

Ищу дежурного врача, тороплюсь сказать, чтобы побыстрее отправляли тебя к нейрохирургам. Читала, знаю, что если успеть сделать операцию в течение двенадцати часов после травмы, то можно избежать многих страшных последствий. Дежурит немолодой, на пенсии уже, терапевт, снисходительно выслушивает мою горячую тираду о необходимости быстрой эвакуации мужа, даже, кажется, улыбается немного в седую бородку. Берёт рентгеновский снимок, подымает вверх, к свету, бородка его тоже вздёргивается к потолку.

– А кто вам сказал про перелом, – важно говорит он своим бляющим тенорком. – Я не вижу никакого перелома. Позвольте специалистам решать, что сейчас полезно и своевременно делать.

Это напоминание о специалистах за ночные и утренние часы я услышу ещё от него не раз, но не придаю им значения. Позднее, в более спокойной обстановке, буду удивляться: с каких пор врачи-терапевты стали считаться специалистами по нейрохирургии?

Спорить, понимаю, бесполезно, дежурный не будет сейчас звонить в Ярославль, это его твёрдое решение. В специализированной больнице, когда появится время на анализ и размышления, меня посещает крамольная мысль: а может, установка такая негласная существует – не торопиться спасать попавших в беду? Может, какую-нибудь клятву Антигипократа дала система здравоохранения?

Два года спустя, после всех наших мытарств, буду писать в областную газету «Золотое кольцо» о закрытии родильного отделения в районной больнице, о многих трагедиях, разыгравшихся в деревнях в связи с новой волной оптимизации лечебного процесса. Погиб новорождённый из деревни Кокошилово, долго везли рожицу до

перинатального центра. На станции Волга, тоже не дождавшись своевременной помощи, погибли и мать, и младенец. А спасла бы их одна койка в стационаре районной больницы.

Но это будет потом, а сейчас надо как-то самим спастись. Я снова иду в палату, сажусь на кровать, она стоит параллельно твоей. Ты спишь тяжёлым не освежающим сном. А я заснуть даже не пробую. «Что делать?» – не могу осознать всего случившегося, в горле комок, бьётся сердце, боюсь провалиться от безысходности в бессознательную дурноту – и тогда уж действительно полный крах!

В пять утра звоню заместителю главы района Галине Александровне. Она мой непосредственный начальник, районное радио, на котором я до сего дня главный редактор и единственный сотрудник, курировала несколько лет, она, Галина Александровна, ведаёт и социальной политикой. Прошу связаться с главой и помочь отправить моего мужа в Ярославль, в нейрохирургию. У него перелом позвоночника, это даже неспециалисту ясно.

Глава поможет. И вправду, высокая, осанистая фигура Анатолия Геннадьевича появляется на пороге нашей палаты задолго до начала рабочего дня. Вид бодрый, свежее румяное лицо, ясный взгляд чуть навывкате глаз сразу как-то разряжают тревогу, поселившуюся здесь.

– Отправим, – обещает он, сразу оценив обстановку. Но и ему с помощниками не так-то быстро удаётся достигнуть результата. Правда, днём приезжает молодой, рыжий как огонь, нейрохирург из городской больницы, где латают переломанные тела. Делает назначения, консультируется по телефону со специалистами. Очень строго и серьёзно объясняет мне, что сейчас больного можно не довести до места – умрёт.

– А здесь не умрёт? – только и спрашиваю его, но уже не спорю, потому что понимаю: не от этого молодого врача зависит, примет ли нас сейчас прославленная больница или через двое-трое суток. Если будет кого принимать...

Ты в сознании, но как бы и не совсем в этой жизни. Говоришь, что замёрзли ноги ещё там, под обрывом. Да так и не отойдут, не согреются. А ещё телу неловко лежать, мучает, что пошевелиться не можешь. Тебе примачивают под зад резиновый круг. Вот так, кажется, удобней. Голос у тебя слабый, едва отлетает от уст. А ещё ночью говорил громко.

Приходит следователь из РОВД, молодой, с дерматиновой папочкой, спрашивает деловито об обстоятельствах случившегося.

– Не помню, – с трудом отвечаешь ты. – Ничего не помню. Может, своя неосторожность.

В отделении хирургии позвоночника мы с тобой не раз были свидетелями, как молодые ребята пытались и не могли восстановить последние минуты перед аварией. Как же всё происходило. Шок отбивал память.

Поздним вечером наконец за тобой присылают автомобиль из реанимационного отделения. Тебя на каталке – надолго же станет она твоим основным средством передвижения – увозят из чистенькой палаты. Санитарка, немолодая женщина с лицом постаревшей куколки, провожая нас до лифта, торопливо наставляет, чтобы вернули постельное бельё, на котором тебя отправляют в областной центр. Краешком сознания отмечаю всю дикость ситуации. Какое бельё? Душу бы удержать в теле. Но послушно киваю головой: постараюсь вернуть.

Не очень помню, тогда ли мне сказал Анатолий Геннадьевич или чуть раньше, чтобы не думали о деньгах на операцию, он позаботится о выделении квоты. Благодарю. Но всю щедрость его дара осознаю потом – без денег, живых, или безналички из областной администрации никакого срочного вмешательства не будет, хоть ты трижды пострадай. И титановой конструкции, скрепляющей позвоночник, не то что прочной и надёжной импортной, но и той, что производят в Рыбинске, не получишь.

Может, есть для кого-то исключения. Но не для нас, не для нас... Ситуация со срочной помощью совсем не та, что в сирые шестидесятые годы прошлого столетия. Тогда не диво было, если и вертолёт приземлится на ровную луговину за деревней и заберёт больного для срочной операции в областной больнице. Всё-таки, согласитесь, человеческая жизнь дороже и бензина, и аренды машины. Рынку и сейчас не стоило бы соваться в зазор между жизнью и смертью. Но устроился этот ползучий гад крепко не на своём месте. Потому и собираем деньги всем миром на операции детям, на их лечение. Вам не жутко?

Дочка с зятем вовремя подросли из областного центра на машине. Заскакиваю домой, беру самое необходимое для себя и для мужа, ещё совсем не догадываясь, как надолго покидаем мы родные стены. Гоним за реанимобилем, молчим, тревожимся. Через два часа след в след за ним въезжаем в больничный двор.

Звоним в широкие двери самого скорбного отделения, безнадежней его только морг. Выходит молодая бодрая чернявая медсестра. Подаю пятьсот рублей, прошу, если что-то потребуется вновь поступившему больному, может, воды захочет выпить, – подайте, пожалуйста. Деньги берёт, просит не волноваться, всё сделают как надо. Несколько раз звоним из квартиры в реани-

мацию, справляемся, как ты себя чувствуешь. Ответ один и тот же – состояние стабильно тяжёлое. Утром тебя переводят в стационар.

Здесь было куда хуже, чем в чистенькой районной больнице; грязные стены, рваный на полу линолеум, тяжёлый запах, который со временем учишься не слышать, «принюхиваешься». Сейчас отделение хирургии позвоночника, рассказывают, перевели в новый корпус. Там чисто, просторно, всё устроено для удобства больных, и даже в коридоре автоматы с кофе поставлены. Но мы-то попали сюда в другое время, в ноябре 2010 года.

От растерянности, подавленности многого и многих не замечаешь. Каталку завозят в палату, четыре человека в белых халатах, держась за концы одеяла, осторожно перекадывают тебя на койку. Потом узнаю, что это доктора: санитаркам и медсёстрам не под силу тягать бездвигных больных. Помогают родственники и все, кто может.

– Надя, я вспомнил, – это первое, что торопишься рассказать ты мне, когда больничный народ расходится. – На бульваре меня обступили подростки, встали полукругом, теснили к обрыву, девчонка выступала вперёд, кричала: «Дядя, прыгай!» Потом провал в памяти...

Я слушаю тебя и сначала не всё слышу, не всё понимаю, от боли, которую переживаю вместе с тобой. И от страха за тебя, у тебя-то страха нет.

Сердце замирает, и так тоскливо, хоть волком вой, когда подумаю, что всего два дня назад ты был бодр, здоров и бегал на ногах быстрее молодых. Но лучше обо всём этом не думать, иначе не выбраться из той ямы, в которую мы попали.

На твоей работе, в редакции областной газеты «Золотое кольцо», уже знают о нашей беде. Пришла проведать Любовь Николаевна Новикова, заведующая отделом писем, зашла на кафедру травматологии к Василию Васильевичу Случевскому, известному на всю страну нейрохирургу, спросила о перспективах. Что сказал Василий Васильевич, Люба не передаёт. Верно, ничего хорошего.

О Василии Васильевиче Случевском – о его смелых операциях писали в газетах. Много было сенсационных.

А впервые увидела его в районной больнице три десятка лет назад. Была я ещё совсем девочкой, в то лето поехала навестить родные места, гостила у дяди Вени в селе Архангельском. Зашла в двухэтажную деревянную школу с мезонином – как же я скучала по ней в Мышкине. Купалась в узенькой Ломихе, в омуте, заросшем кувшинками и тростником. Каким же умильно до-

машним казался он после широченной Волги. Вечером пошла в кино, но фильм в клубе не досмотрела. Пришёл дядя Веня, шепнул, что сестра Ира попала в аварию, лежит в больнице. Рано утром в кузове попутки еду домой. Тревожусь страшно, но надеюсь, что всё не так плохо, как передали по телефону. Какая авария? В Мышкине и машин-то немного.

Дома вижу замоченную в тазу, отмокающую от крови одежду. Тревога перерастает в ужас. Бегу в больницу, я здесь первый раз, это бывший особняк купца Чистова с расписными потолками и изразцовыми печками.

В коридоре, в раздевалке висят белые халаты, накидываю один, открываю дверь в отделение. Меня останавливает смуглый высокий нездешнего вида красавец.

– К кому идёшь? – требовательно, но нестрого спрашивает молодой врач.

– К Ире Кусковой. Лечащий врач разрешил, – говорю, как научили.

Он усмехается, идёт в палату, меня оставляет подождать в коридоре. Быстро возвращается:

– Иди. Сестра хочет тебя видеть.

Это и был хирург Василий Васильевич Случевский, практиковавший после распределения в Мышкинской районной больнице.

Всё это промелькнуло быстро в голове. Надо найти Василия Васильевича, только будет ли разговаривать... Да, может, и не помнит мою сестру доктор Случевский, сколько операций за это время сделал.

Захожу на кафедру травматологии, она здесь, на этаже, только пройти широкий длинный коридор до конца. От торопливости и неловкости спотыкаюсь о рваный линолеум. Как не похож прославленный хирург на того блестящего молодого человека, каким я увидела его в своей ранней юности. Седой, пропала яркая смуглость кожи, и вид угмлённый. Но манера держаться та же. Внимательно и благожелательно выслушивает меня, говорит:

– Да, я помню ту операцию в Мышкине. И вашу сестру помню.

– А теперь мой муж получил тяжёлую травму. Помогите, назначьте на операцию опытного хирурга.

Наверно, моя просьба звучит дико, в больнице неопытных и слабых хирургов нет. Они сами не выдерживают здесь. Но Василий Васильевич и вида не подаёт, что я не очень-то тактична. Идёт со мной в палату, обследует тебя, трогает пальцы ног, проверяет чувствительность. Ты очень стараешься уловить прикосновения, но чувствуешь только большие пальцы. С остальными попадаешь впросак.

Выходим из палаты. За дверью старый доктор осторожно берёт меня за плечо, смотрит сочувственно и говорит:

– Вот так же смотрела на меня ваша мама. Я запомнил её глаза.

Операцию моей сестре он провёл тогда неудачно. И об этом отрицательном опыте, сам сказал, пишет в своих учебниках. Вот и делай выводы. А потом был тот памятный разговор с оперирующим хирургом Олегом Владиславовичем, нейрохирургом высшей квалификационной категории.

ОПЕРАЦИЯ

Когда я после разговора с Олегом Владиславовичем прихожу в палату, ты тихо спрашиваешь (громко не можешь), о чём говорили. Я как можно более спокойно отвечаю: «Доктор сказал, что организм у тебя крепкий и всё будет хорошо. Соберись с силами».

Наш разговор слышит Георгий, его кровать у окна, но он днём никогда не лежит. С виду совсем здоров, крепкий, широкоплечий, ходит быстро, то и дело на прогулку собирается, все операции у него позади. Сочувственно говорит нам: «Пережить всё можно. Меня привезли сюда никакого, операция была тяжелейшая, полостная. Доктора здесь отличные. Как видите, жив, хожу, скоро поеду домой, на Кавказ. Дорога дальняя, за позвоночник беспокоюсь, вот и приехал сюда за корсетом».

Хоть немного, но полегче стало на душе от этих слов. Выбираются из беды многие, может, и мы прорвёмся? Потом, когда в больнице полетят дни за днями, недели за неделями, я с удивлением отмечу про себя, что здесь почти никогда не бывает ссор между больными или даже громко выраженного неудовольствия. В тяжёлой ситуации все стараются поддержать друг друга хотя бы словом. Вот и к нам с дочкой, когда мы сновали по коридору, снабдаемые тревогой: как там идёт операция, несколько человек подходили, успокаивали: молитесь, надейтесь, всё будет хорошо. Немолодая азербайджанка рассказывала о травме мужа. Лежал пластом, а теперь всё налаживается.

Говорит моя новая знакомая с акцентом. Верно, недавно приехали в Ярославль. Это не мешает ей хорошо ориентироваться на местности. Учит: первое время одной мужа не перевернуть, очень тяжело, и постельное бельё сменить трудно. Зови санитарку, заплати ей немного денег, всё тебе поможет сделать. Слушать её почти не могу, но и уловленные обрывки фраз всё равно

немного утишают тревогу. Планы, самые даже маленькие, на будущее укрепляют надежду.

Настя несколько раз бежит по переходам между этажами до операционной, известий никаких нет, да и кто будет разговаривать с родственниками во время операции?

По коридору снуют люди. Проковыляла в дальний конец на ходунках пожилая женщина. Туалет в отделении один на всех: три кабинки для мужчин, женщин, больных, ухаживающих, и даже медперсонал сюда заглядывает. Проехал на коляске молодой человек, ноги, и не глядя видно, безжизненные, неподвижные. Проводил красавицу жену до дверей, возвращается в палату, отгородился от внешнего мира своими невесёлыми размышлениями. Есть о чём грустить: у жены и работа интересная, и друзья, и развлечения – всё за порогом этой больницы. А он здесь прикован к коляске, к капельницам и уколам, к ночным кошмарам. Снуют санитарки, медсёстры от палаты к палате везут стойки с навешенными на них большими пузырьками лекарств – капельницы ставят.

Операция идёт уже больше четырёх часов. А говорили – займёт четыре. Не выдерживаю и вслед за дочкой срываюсь к операционной. Толку в этой беготне мало. Да ждать – сил нет. В переходе сталкиваемся с нейрохирургами, Олегом Владиславовичем и Дмитрием Александровичем. Вид у обоих усталый, посеревший.

– Оболочка, в которую заключён нерв, цела, – отвечает на наши немые вопросы Олег Владиславович. Мы с Настей облегчённо переглядываемся. – Но это ни о чём особенно и не говорит, – строго глядит на нас нейрохирург.

Здесь, в отделении хирургии позвоночника, не питают радужных надежд и не обольщают ими родственников. Время покажет: как организм будет бороться за жизнь, как человек, получивший серьёзную травму, сможет сконцентрировать свою волю и как помогут справиться с бедой родственники. Длинная цепочка на пути к выздоровлению. И может она оборваться в любом месте.

Почти бежим к операционной, врачи сказали, что тебя сейчас повезут в реанимацию. Настя впереди, походка у неё стремительная, отцовская. Но сейчас и я успеваю за дочерью. Издалека видим, как тебя везут на каталке, ты лежишь тихо-тихо, лицо у тебя бледное, а в плотно стиснутые зубы вставлена какая-то трубочка.

Утром тебя привозят в палату, ты лежишь тихий, неподвижный, не похожий на себя, но живой. Господи, помоги нам!

Ставят капельницы, целую гроздь, пять флаконов, одно лекарство за другим. Георгий с Виктором тихо

переговариваются лежа на койках, третий, в углу, дремлет, отвернувшись к стенке. Вдруг – рев, крики, Георгий нажал на «лентяйку», включил телевизор. Он стоит на окошке, за самой твоей головой, сначала-то я и не обратила на этот ящик внимания. Оказывается, многие больные, особо кто поздоровей, возят за собой этот чудо-аппарат. Пропадают от больничной скуки без розетки с экраном.

Идёт какой-то концерт, и это так дико, так страшно, что я несколько минут медлю, перед тем как попросить:

– Георгий, убавьте, пожалуйста, звук. Человек только что из реанимации.

Телевизор затихает, но ненадолго. К счастью, ты не реагируешь на этот шабаш, душа уже не там, но ещё полностью и не здесь.

Придя в себя окончательно, ты рассказываешь:

– Сначала перед операцией, потом после неё – в полудрёме, одурманенный наркозом и лекарствами, и мне этот просторный, ярко озарённый зал казался плывущим куда-то кораблем. Свет горел день и ночь, работали, мигая, приборы. Автоматически включался, сжимая левую руку выше локтя, измеритель кровяного давления. В нос введены тонкие прозрачные трубочки, подающие кислород. Вокруг под пластиковыми колпаками бездвижно лежали люди. Я, очнувшись полностью, понял, что уже ночь – самый глухой час. У входа, будто на капитанском мостике, стоял стол, вокруг сидели медсёстры. Они заполняли документы, иногда шутили в довольно раскованных выражениях, чтобы снять напряжение. Я лишь позднее понял, как тяжела работа этих молодых женщин и девушек. Одна, видимо старшая, диктовала: «Неизвестный №1... Неизвестный №2 – умер».

Потом она упомянула мою фамилию, назвав меня «дядей». Это непривычное слово ушло во тьму памяти и вдруг осветило её, и я услышал: «Дядя, прыгай!» Это говорила мне коренастая девушка в куртке с распущенными по плечам волосами. Я стоял в темноте спиной к обрывистому берегу Волги, за мной было всего полшага, и думал: что мне делать? Броситься на неё? По бокам её стояло несколько парней. Или прыгнуть – задом от них, под обрыв?..

Воспоминание оборвалось. К колпаку напротив подошли медсёстры. Оказалось, что там и лежит неизвестный №2. Совсем молодой парнишка, коротко стриженный, светловолосый. Его, кем-то покалеченного, подобрали на улице. Когда я снова очнулся, его на месте уже не было. Передо мной – стойка для капельницы. Просыпаясь, я глядел на эту никелированную антенну и не верил в явь, думал, что все произошедшее со мной – сон. Сейчас я проснусь, и этот волшебный корабль с ночным

светом и подсчитыванием умерших, с работающими приборами – исчезнет. А он летел и летел сквозь ночи, пополняясь изуродованными людьми.

Потом наступило, как говорили врачи, «стабильно тяжелое состояние». Где-то над головой верещал маленький телевизор. Кто-то бредил ночью и просил без конца: «Дайте мне нож!» Сказывались какие-то сильные лекарства, от которых иногда впадаешь в яркие, цветные грёзы. Неделя за неделей – будто погружают тебя в гигантскую воронку: проваливаешься внутрь себя. Стихи. Лермонтов, Блок, Пушкин, Манделштам. Читаются и читаются в душе и превращаются, особенно Лермонтова – в какие-то живые существа: и не дают утонуть тебе в самом себе, потерять себя.

ВРАЧИ, МЕДСЁСТРЫ, САНИТАРКИ

После операции жизнь понемногу входит в своё больничное русло. Уже не сижу по ночам на стульях – дочка с зятем привезли надувной матрац, можно подремать. Вечером он с трудом вмещается в проход между кроватями, а утром я приставляю в простенок между окнами.

За этой процедурой застаёт меня Олег Владиславович. Осматривает тебя – и результат, кажется, его устраивает. Потом говорит мне:

– Одному человеку ухаживать за тяжёлым больным невозможно, не справится, сил не хватит. Нужно, чтобы кто-то вам помогал.

Вот человек удивительный. На улице встретишь, может, не отметишь взглядом в толпе. Среднего роста, крепенький, глаза небольшие, светло-серые. А здесь каждое слово жадно ловишь. Веришь всему, что говорит. Потому что на него вся надежда, как на Бога. Только, словно уловив мои мысли, он добавляет:

– Теперь от вас многое зависит.

В общем, на Бога надейся, а сам не плошай!

Первое время действительно без дочки было бы невозможно справиться.

И днём, и ночью через каждые два часа нужно переворачивать тяжёлое непослушное твоё больное тело, чтобы не было застоя в лёгких и пролежней. Прележни, огромные волдыри по окружности того резинового круга, который подложили под тебя в Мышкине и не убрали в реанимации, ты уже заполучил. Намазываем их зелёной, пеной от ожогов. Состояние твоё всё ещё стабильно тяжёлое. Но уже и первые положительные сдвиги есть. К мышцам ниже линии перелома начинает возвращаться тонус. Первой заметила это Настя, когда обрабатывали подживающие уже пролежни зелёной.

– Смотри, мама! – звонко на всю палату выкрикивает она. – Тело оживает.

С тех пор каждый день сантиметр за сантиметром отмечаем отвоёванные у болезни места. Через несколько дней Олег Владиславович разрешает приподнимать изголовье кровати под углом 30 градусов.

Вообще-то, лечащий врач у нас Дмитрий Александрович, улыбочивый, обходительный красавец. Но ещё в самом начале, когда я завела разговор о реабилитации, он сказал, что это не нейрохирургов дело – их дело разрезать и зашить. И что сейчас, в послеоперационный период, нужны капельницы с лекарствами, каких в больнице нет. Можно, конечно, заказать через аптеку, но нужно ждать. Не знаю, надолго ли хватит у меня денег, мексидол, а особо актовегин, стоят недёшево, но я прошу лечащего врача начинать лечение со следующего дня. Купим лекарства сами.

Олег Владиславович тоже считает эти капельницы очень важными для тебя. К нашему счастью, первый месяц он часто заходит в палату, даёт советы, как расшевелить ушибленный нерв, заставить его работать. Уж он-то не считает человека набором органов, каждый из которых можно лечить по отдельности.

Приезжает тот же следователь с неприметным лицом, с первого раза и не запомнить, с той же дерматиновой папочкой, она выразительнее внешности. Сидит работник полиции долго и всё выясняет, был ли между нами «факт ссоры». Гардеробщице, женщине с плоскими губами, почему-то показалось, что мы разругались.

– А она сама не была ли выпивши? Вы это не уснавливали? – конечно, это я спрашиваю с напором. Ты тихо и вежливо на все вопросы отвечаешь, хотя утомился от этого разговора до предела, там, под обрывом, остались все твои силы.

Следователь пожимает плечами, спрашивает ещё что-то о количестве выпитого. Рассказ, что тебя столкнули с обрыва подростки, – пропускает мимо ушей, даже в протокол, кажется, не заносит.

Потом с этим молодым чиновником разговариваем в коридоре, я от этой сказки-неотвязки, к которой прилип следователь, про выпитое и съеденное, прихожу в негодование. Конечно, свои чувства я сдерживаю, да и что толку в громких разговорах. Скажем, докажу я нашу правоту: ели и пили столько, сколько принято на приличных юбилеях. А станет ли легче? Разве ты от этого сейчас встанешь и пойдёшь? И всё же я привожу, мне кажется, очень веский аргумент:

– Если бы я была сейчас дома, я бы прошла по всем забегаловкам и выяснила, какие молодёж-

ные компании гуляли в злых местах, особо проверила бы «Мочалку» – ночной бар напротив бани, это рядом с бульваром.

Следователь отмалчивается...

Настя взяла на работе в музее месячный отпуск и каждый день приезжает в больницу. А ещё сюда, в отделение, как на работу ходит Людмила Михайловна Зуб, интеллигентная немолодая уже дама, Настина сотрудница из отдела древнерусской литературы музея-заповедника. Её овсянкой, ещё тёплой, и кормим тебя всё это время. Другой пищи организм не принимает. Передаёт фрукты, в палату не заходит, чтобы не потревожить.

После операции каждый день кто-то навещает тебя. Сотрудники газеты, редактор «Золотого кольца» Алексей Михайлович Невиницын. Один молодой сочинитель, обнаружив, что тебе писать в кровати очень неудобно, приносит подставку для книг. Вместе с Новиковой приходит однажды в палату до той поры незнакомая Людмила Михайловна Климова, директор юношеской библиотеки. Скоро появляется ощущение, будто век знакомы. С тех пор Людмила Михайловна часто навещает тебя, старается помочь.

Однажды в выходной день в палате, кроме нас, никого нет, потихоньку открылась входная дверь, и в щели дверного проёма появилась голова. До чего же знакомая! Правда, со времени нашей последней встречи, лет, может, пятнадцать назад, кудрей на ней значительно поубавилось. Но это был он – Евгений Чеканов, редактор многих ярославских изданий, поэт, журналист. Шагнул не очень уверенно в палату. Всё-таки и ему, бывалому человеку, бедко и зыбко переступить такой порог. Но неловкость первых минут отступила, и Женя энергично толкует, что надо привлекать больше внимания к тому, что произошло. Реабилитация стоит больших денег, а откуда им взяться у рядовых журналистов? Нужна помощь.

Вечером хожу по коридору и думаю о том, что Евгений Феликсович хоть и поэт, а человек очень практичный и куда лучше нас разбирается в том, что без помощи нам квоты ещё очень долго не получить. Да и инструктора лечебной физкультуры всё не присылают, даже на десять обязательных дней. А восстановление нужно начинать как можно быстрее. Тревожно, что можем упустить время.

Перебираю в уме всех своих знакомых, кто может помочь, звоню твоей однокласснице Тане Венцовой, прошу связать меня с Сашей Фридманом. С Фридманом в школе в десятом классе ты сидел за одной партой. Это был умный, вежливый мальчик с тихим голосом и ярко-синими глазами. Изредка и

во взрослой жизни ваши дороги пересекались. Твой школьный приятель мало менялся. Но последние годы известий от него, успешного нефтяника, было немного.

И всё же, несмотря на все обстоятельства, разделившие людей за последние десятилетия, почему-то верю, что Александр Михайлович поможет. И он позвонил мне из Москвы. Голос всё тот же, мягкий, вежливый, без властных и холодных ноток хозяина жизни. Расспросил, посочувствовал, пообещал хлопотать о квоте на реабилитацию. Уточняя, что хотелось бы попасть в Нижний Новгород, Олег Владиславович очень хвалил тамошний центр.

– А сейчас, в это время, что нужно? Может, попробовать Колю в московскую больницу перевести? – спрашивает.

– Нет. Здесь врачи работают отличные, медсестры умелые. А вот условия... Ему бы уже сейчас инструктор по лечебной физкультуре нужен. Тренировки нельзя откладывать. И десяти бесплатных сеансов Коле мало. Я готова платить, но нужно заниматься постоянно.

На следующий день к нам приходит Лариса Сергеевна, энергичная, седые волосы коротко пострижены и не старят её потому, что цвет лица розовый, молодой. И голос уверенный, бодрый, зычный. Верю – от такого голоса встанешь и побежишь. А ещё через день инструктор по ЛФК приводит с собой интеллигентную и тоже немолодую Софию Ивановну, специалиста по лечебному массажу.

В беспросветной нашей ситуации начинает появляться свет. И да простят меня другие больные, у которых не было таких знакомых, что я воспользовалась презренным в прежние времена и желанным многим сейчас блатом. Но смотреть на твоё закаменевшее, оживающее только болью тело нет сил. К тому же почти все больные в отделении хирургии позвоночника имеют более лёгкие травмы, чем ты. Возможно, им хватит и той системы восстановительных мер, какая полагается в больнице. Есть ещё несколько человек тяжёлых, но они в других палатах.

Каждый день Настя отпускает меня на два-три часа к себе на Институтскую помыться и поспать. Потому что ночью встаю регулярно, зову санитарку – поправляем сбившиеся простыни, одна складка может наделать много бед – раздражение на коже, а там, глядишь, и пролежень назрел. Ты не чувствуешь многого, потому уследить за твоей кожей должны мы.

Спать в гостях не всегда удаётся. Не покидает лихорадочное возбуждение. Но привести себя в порядок надо. В отделении хирургии позвоночника перед туалетами только несколько кранов с хахлой водой.

Здесь, в тишине, горячо молюсь. Недавно ты рассуждал так:

– Святой Серафим Саровский несколькими словами поставил на ноги помещика Мотовилова. Только спросил: «Веруешь ли ты во Святую Троицу?» А до этого помещик скольких врачей объездил – и все бесполезно. «Чудеса бывают, но не с нами!» – не раз слышал я от тяжелобольных в палатах. Потому что мы не крепки в своей вере: «не холодны и не горячи», как сказано в Апокалипсисе, а чуть теплы. А Мотовилов, чудесно вставший на ноги, был горячим – весь остаток жизни отдал Богу.

Но сейчас и я – горяча, всей душой прошу помочь встать тебе на ноги. Ты остался жив – это чудо. Сотвори, Господи, и другое – верни силу и подвижность твоему телу.

В первую ночь, когда ты поступил в отделение, дежурила санитарка Аня, немолодая блондинка с измученным лицом, мне почему-то она кажется очень несчастной. Мысль скользнула – и пропала. Я не отдаю себе отчёта, почему с молчаливой Аней мне легче, чем, скажем, с говорливой, то и дело ссылающейся на Бога и Евангелие, Верой, санитаркой помоложе и пошустрей. И только к концу пребывания в больнице, когда Аня выходит провожать нас ночью на скорую – она в отделении встретила, она и проводила – я с благодарностью думаю, что эта старательная, временами горько запивающая грубоватая женщина истинная христианка, хотя и в церкви она, скорее всего, не прихожанка, а захожанка.

Если восстановление здоровья в отделении зависит от врачей и медсестёр, то все житейские мелочи от санитарок.

– Аня, можно взять тёплой воды в вашей санитарной комнате?

Не поленился, сходит, снимет амбарный замок с двери – набирай сколько надо. Аня, как и все другие, хорошо знает, что тёплой воды в кранах, где умываются больные, практически не бывает, сколько ни спускай воду.

А Вера, Люда, Оксана в ответ на просьбу отвечают чаще всего:

– Не положено.

Формально они правы. Но нам-то от этой правоты не легче. Хотелось бы не только формы, но и содержания.

Вечером, перед отбоем, Вера приходит в палату, садится на пустую койку и начинает толковать о Евангелии, говорит как начётчица, пересыпая речь цитатами. Уверенная, улыбчивая, привлекательная. Икон не признает.

Аня рассказывала, что и её Вера приглашала в

свой молитвенный дом на радения. Думает, может, и в больницу она устроилась работать по поручению руководства своей секты: где ещё найдёшь столько сразу людей, испытавших большое потрясение, упавших духом. Их-то и бери тёплыми, приобщай к своему толкованию Бога.

Ты приходишь в себя от наркоза и сильных лекарств, понемногу начинаешь участвовать в жизни палаты и даже вежливо поддерживаешь беседу с Верой: на божественные темы ты любишь поговорить.

И в первый же день, как стало полегче, стал диктовать Насте информации для «Золотого кольца». Темы брал больничные и те новости, которые мы приносим с улицы. Вечером дочь наберёт текст и отправит его в редакцию.

В ногах у твоей кровати установлена стойка с перевёрнутой бутылочкой фурацилина, по системе трубочек раствор через катетер поступает в мочевой пузырь. Это система Монро, ставшая для нас сущим наказанием на целых три месяца. Она для того, чтобы избежать воспаления мочевого пузыря и почек – одной из самых распространённых болезней спинальников. Её ставят тогда, когда мочевой пузырь в естественном режиме не работает. Систему собирала медсестра Наташа, приветливая молодая женщина с серыми выразительными глазами на бледном лице. Наташ здесь две. Вторая – худенькая, быстрая неулыба – и тоже красавица. Её больные между собой прозвали Строгой. А ещё в отделении работают медсёстрами совсем молоденькая Ксюша, Люда, Оля, с очень усталым лицом и немолодая уже Варвара Васильевна. Они помогают, умело и терпеливо, возвращать тебя к жизни. Сколько раз стучалась к ним в комнату ночью – обезболивание нужно. Это когда к тебе стала возвращаться чувствительность, появилась боль в спине, в ногах.

Очень часто наутро сквозь сон слышу шум, легкий бег. Спокойных ночей здесь почти не бывает. Кому-то плохо, и смена медсестёр торопится вернуть телу душу, пытающуюся ускользнуть. Раз вышла в коридор подышать свежим воздухом, относительно палаты он действительно свежий, было часа три ночи. В самом конце его, перед запертой дверью, увидела каталку, а на ней – страшное в своей неподвижности тело. За час до этого тоже слышала суету, сдержанные, но тревожные голоса медсестёр. Случилось худшее. Придёт утром дочка навещать мать – и зарыдает в голос, ведь ничего вроде бы и не предвещало трагического исхода.

С одной из медсестёр у меня отношения не заладились. Лиза, женщина средних лет, с острыми гла-

зами, с носом-уточкой, раз вечером пришла в палату уколы делать, подошла к твоей койке, после укола что-то ещё поменяла в системе Монро, где-то трубочки подтянула, неодобрительно покачала головой (учить, учить всех надо) и ушла. Утром я заметила, что на выходе, в обычной полторашке из-под минералки, фурацилина в смеси с мочой набралось гораздо меньше ночной нормы. Дежурила уже снова Наташа-красивая. Посмотрела она на стойку, поновому разместила резиновые трубочки, спросила, кто последний раз устанавливал Монро.

– Лиза уровни меняла.

– Лиза у нас недавно работает и не всё ещё знает. Запоминайте-ка сами. – И ещё раз показала, как должны располагаться трубочки.

Как собирать систему – запомнила, а вот что рассказала о медсестре-незнайке – забыла. Пока, проходя коридором мимо Лизы, сидящей за стареньким столом на медицинском посту, не услышала язвительное:

– Некоторым порядки в нашей больнице не нравятся, а самих палкой отсюда не вышибешь!

Сначала даже и не поняла, что камушки и палки летят в мой огород. А когда дошло – не особо огорчилась. Попадают в медицине не реже и не чаще, чем в других профессиях, люди, упоённые своей властью. В другом случае можно и посмеяться от души. Но не здесь, не здесь!

ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ

В одной из палат, ближе к ординаторской, лежат два молодых человека. У обоих травмы из тяжёлых тяжёлые. Один, черноглазый, симпатичный мальчик, через несколько месяцев пересел на коляску. Родители ночей не спали. Дежурили по очереди, переворачивали каждый час сына с боку на бок. Если появлялось на бесчувственном теле красное пятно, предвестник пролежня, растирали его до тех пор, пока не исчезало. Сажали на кровати, увеличивая по рекомендации лечащего доктора градус наклона. Потом – коляска, и это с его травмой большая победа. Обо всём этом мне рассказывала мать молодого человека, русоволосая женщина с усталыми глазами. Она ушла с работы, чтобы ухаживать за единственным сыном, муж перевёлся дежурить в смены. Завидую её усталому и деловитому спокойствию. Рассказывает, что Олег Владиславович веры и надежды не велел терять, тренироваться, не впадать в отчаянье. Много может измениться к лучшему при позитивном настрое.

Новая знакомая мне показала, как они с мужем обустроили палату за месяцы лечения. И, правда, у них чисто, светло. Моют стены и полы по очереди сами ухаживающие. Для сына раздобыли кровать с «гусём». «Гусь» – это металлическая дуга у изголовья, позволяющая больному самому подтягиваться и садиться на кровати. При первом удобном случае, а он представился в тот же день, я прошу сестру-хозяйку выделить такую же кровать. Тебе будет удобно подтягиваться, садиться, когда придёт пора.

Позднее, когда мы с тобой попали в московский реабилитационный центр, я там встретила человека, который научился ходить, не чувствуя ног, – шагает, слегка опираясь на тросточку. И всё думала, как бы этой семье сообщить о, можно сказать, чудесных возможностях. Уж они-то бы поставили своего мальчика на ноги.

У его соседа по палате, из Гаврилов-Яма, таких перспектив нет. Жена, по рассказам родственников, сразу после несчастного случая на реке – нырнул и сломал шейные позвонки – от него отказалась, даже не показывалась в больнице. Около него по очереди дежурят родные: мать, сестра, отчим, но тело несчастного через несколько месяцев после травмы прогнило до кости. Не то что сидеть, лежать может только на животе. Маленький, волосы тёмные до плеч, не стригся после травмы ни разу, безучастен, ни на кого не смотрит, думает о чём-то своём. Потом ему делали операции, латали пролежни. А лет ему – едва тридцать исполнилось. Жить бы да жить.

В курилке у туалетных кабинок после очередной операции, парню тогда отняли ногу, услышала от его отчима, неухоженного, по виду крепко попивающего мужичка:

– Мы Саню не оставим. Он ещё поживёт, порадуется жизни.

Я промолчала, хотя крутилось на языке, что Саню своего они прозевали, проспали и бросили, хотя и находились рядом в палате. И радоваться жизни ему уже совсем-совсем не придётся. Не до радости в таком состоянии.

В нашей палате народ подобрался спокойный, уравновешенный. Виктор – его кровать стоит рядом с койкой Георгия – из дальнего Люблинского района. Он шофёр, попал в аварию, повредил шейные позвонки, в больницу пришёл на своих ногах. Ему около пятидесяти, так же как и его соседу. Они подолгу толкуют друг с другом, а чаще перешучиваются как старые знакомые. Несчастье сближает. Предмет шуток – и корсет Виктора, простенький, из поролона, похожий на жабо какого-нибудь французского маркиза. Лечащий врач Дмитрий Александрович го-

ворит, что корсет после операции нужно менять на более жёсткий. Виктор легко соглашается. Но сыну, пришедшему его навестить, похоже, ничего не говорит. Потому что и после операции в том же убранстве. Дежурить возле себя тоже никому не велел, объясняя: «Сыну на работу надо, как он утром не спавши пойдёт. А жена дома на хозяйстве, у нас скотина, как её оставишь?»

После операции, после капельниц и уколов он спал. Храпел только сильно, потому что из горла у него торчал дренаж, лишняя кровь отходила с оперированного места по трубке в гофрированную полиэтиленовую банку, «гармошку», как ещё её называют. Но уже утром, после укола, лёжа под капельницей и блестя круглыми удивлёнными глазами, Виктор толковал Георгию, что медсёстры в отделении работают все молодые и красивые и он, как только разрешат вставать, сразу же пойдёт в коридор разговаривать с ними и знакомиться. Впрочем, это скорее он так для бодрости говорит. Потому что каждый день звонит своей жене Марии Дмитриевне, так он её величает, по телефону, рассказывает о своём здоровье, у него-то, конечно, всё хорошо. С тревогой спрашивает, как она без него справляется на дворе. Платят на производстве мало, вот и держат целый двор скотины: корову, поросёнка, барашков и кур.

На третий день Виктор уже на ногах. Его шейный корсет сильно подзатёрся, он решил его постирать, посушить на батарее. Шею он фиксирует серым застиранным полотенцем, завязывая его узлом. Похоже, привык на всём экономить, обходиться в жизни малым. И здесь не желает вводить в расход семью. Робко пытаюсь ему сказать, что так, наверно, нельзя, конструкция на шейных позвонках хрупкая. Он молча выслушивает, ничего не отвечает. И я понимаю, что он всё знает сам.

А через несколько дней открывается дверь, и в палату входит смуглая невысокая женщина с круглым лицом. «Уважаемая Мария Дмитриевна! Здравствуй, дорогая!» – глаза Виктора светятся детской радостью, он вытягивает вперёд длинные руки, у него и шея вытягивается, так он стремится обнять свою уважаемую половину, которая оказывается выше почти на голову и тоньше в два раза. Она спокойно улыбается, верно, привыкла за жизнь к такому восторженному проявлению чувств. А сын, пришедший навестить отца вместе с матерью, чуть насмешливо, но тепло говорит: «Может, мне уйти? Я здесь лишний?» Они садятся рядком и тихо толкуют о своих делах.

Твоё выздоровление идёт медленно, со многими осложнениями. Когда тебе хуже, мне не спится, я выхожу ночью в коридор, он широкий и длинный,

хожу по нему взад и вперёд и думаю, что это место мне потом до конца жизни будет вспоминаться. Здесь и тишина особая, в ней просто осязаются накопившиеся за дверями палат боль и страдание. И задаю вопрос, на который не слышу ответа: «За что, Господи, нам всё это?»

Как-то утром, после бессонной ночи, осенило позвонить младшей маминой сестре Галине в Санкт-Петербург. Попросила сходить её на Смоленское кладбище города, помолиться на могиле блаженной Ксении и переслать нам в Ярославль масла из её часовни. Галя, в прошлом хирургическая медсестра, узнав о нашей беде, заплакала навзрыд в трубку и обещала всё исполнить. Но сама она была уже немолода и немощна. Посещение Смоленского кладбища откладывалось: зима, на морозе нужно очередь в часовню стоять. Нет масла.

Но... в очередной раз приходит к нам в палату заведующая отделом писем газеты «Золотое кольцо» Любовь Николаевна Новикова, бодрая, голосистая, и среди прочих даров – флакон масла из часовни Ксении Петербургской. Принесла в редакцию читательница «Золотого кольца». О твоей судьбе она узнала из газеты, а когда была в Петербурге, съездила на Смоленское кладбище, заказала сорокоуст за здоровье и привезла с собой масла от блаженной Ксении. Вот и не верь после этого в чудеса!

А Виктору поплошало. Или мне так кажется? На ходу его пошатывает и поматывает, чего раньше не было заметно. Замолчал, загрустил, не шутит. Последнее утро как-то уж очень долго принаравливался, чтобы встать с кровати. Перевернулся на живот, спустил ноги, и только так, с упором на руки, смог подняться. И, тем не менее, на следующий день Дмитрий Александрович объявляет ему о выписке. Виктор выслушивает его молча, радости не выражает. Но нет и особого огорчения. Думает, верно, что дома и стены помогают. Место его, конечно же, не пустует.

ДАМОЧКА, КОТОРАЯ УХАЖИВАЕТ

Из реанимации в палату Сеню перевели в полдень. Четверо врачей очень осторожно, на одеяле переложили его с каталки на кровать. А он, собрав непослушную складочку на лбу, вспоминал, как всё случилось. Как ехал по трассе Москва – Кострома, была ночь. На подъезде к Ярославлю он сильно устал. Все-таки двадцать четыре часа за рулём. Фары освещали заснеженное шоссе... А что случилось дальше – провал в памяти, шок...

Как ни напрягался – не мог вспомнить последние

секунды перед аварией. Очнулся в кювете. Не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Правая рука, ушедшая по локоть в снег, не чувствовала холода. Сознание Семён после этого не терял, но воспринимал все как-то странно, будто и не с ним это происходило. Вот и слова врача-реаниматора со скорой, немолодого мужчины, бормотнувшего: «Шею свернул, в лучшем случае нашему герою обеспечена инвалидная коляска» – к себе тогда не отнёс. В голове одна мысль колотилась: быстрее бы куда-нибудь увезли, что-нибудь бы сделали. А то голова живёт отдельно, а тела нет. Отвратительное ощущение!

О беде сообщили родителям в Костромскую область, через несколько часов приехал брат с деньгами. Сенина семья не из бедных.

После операции чувствительность в тело вернулась, но вместе с ней появилась и боль. И мысли какие-то вялые. Не поймёшь, то ли наяву, то ли во сне всё происходит.

Открылась скрипучая, обвисшая на петлях дверь палаты, и на пороге появилась Ира. С румянцем на смуглых щеках, с яркими, тревожными голубыми глазами. Волосы собраны в хвост, но и это её не портит. И сердце Сеньки стукнуло, хотел крикнуть на всю палату радостно, но сдержался и спросил тихо: «Приехала? А как же сессия?»

За неделю до ДТП Сеня и Ира поссорились. Ходили в кино на вечерний сеанс. До этого зашли в ресторанчик. Встретили там за пустым столиком давнего Сенькиного знакомого. Ему-то Семён и брякнул, представляя свою спутницу: «Это дамочка, которая со мной живёт». Ира виду не показала, что ей не понравилось. Только молчаливей стала, чем обычно. А дома после кино объявила: «Поживи один. Может, что поймёшь!»

Семён попросил объяснить, чего она так расходилась? Ира покраснела, выкрикнула: «Мы с тобой живём три года. Мне было шестнадцать, когда я тебя узнала, первого. И до сих пор я для тебя – лишь дамочка, которая с тобой живёт!» Конечно, просто слова, даже очень обидные, не задели бы так её. Не дурочка же она, чтобы даже в гнев всё перечеркнуть. Но Семён не раз ей намекал, что ему нравятся полненькие, что ей пора тело наращивать. Гляди ты, к тридцати годам на мяско потянуло! На улице без зазрения совести пялит глаза на справных женщин, с изрядными буферами и решётами.

Сеня сел на кровать и стал смотреть, как Ира бросает вещи в спортивную сумку. Думал: «Мать верно говорила: молоденькая ко мне прилипла. А теперь взрослеет. Характер проявляется. Может, и к лучшему, что уходит».

И вот она, узнав о ДТП, бросила все и приехала к нему в больницу. Прошла, села на пустующую кой-

ку, взяла Сеню за левую, неподвижную, руку. Бережно снизу вверх поглаживая, стала делать массаж. Её привычная деловитость успокаивала. Он её стеснительно предупредил: «У меня из одежды один носовой платок». Ира невесело засмеялась. Час назад она разговаривала с врачом, оперировавшим Семена, спросила о перспективах. Тот строго посмотрел на неё, лицо непроницаемое, холодное. Небольшие глаза смотрят требовательно:

– Травма тяжёлая – шейный отдел. Операция дала хороший результат: правая рука и нога восстановили движение в полном объеме. Но радоваться рано. Он очень слаб. Возле него надо дежурить 24 часа в сутки. От вашего ухода зависит, как пойдёт выздоровление. И у одной у вас сил не хватит. – Он окинул критическим взглядом худенькую Иру.

– Мать должна подъехать, – шепнула девушка, сдерживая набегающие слёзы. Заметив это, доктор стал ещё строже:

– И вот этого, слёз, тоже, пожалуйста, не надо. Больному нужен хороший настрой...

Потом он спросил, замужем ли она за Семёном. Она сказала, что не жена, но вместе живут уже три года. Доктор почему-то одобрительно кивнул головой, на этом разговор и закончился. Ира пошла в палату, теперь уже твердо зная, что она выйдет из больницы вместе с Семёном.

Сенькину мать Ира отправила домой через неделю: «Мы сами справимся». Хотя на самом деле было очень трудно. Сеня просыпался по ночам от боли в руках, сводило ноги, нужно было их массировать, чтобы размягчились. А ещё следить за тем, чтобы во сне, не дай бог, больной не делал резких движений головой. Так можно повредить титановую конструкцию, фиксирующую сломанные позвонки. У Сени уставала шея, Ира отстегивала верхнюю часть корсета, похожего на шлем рыцаря, и ставила его на тумбочку. По ночам она почти не спала. А днём занимались зарядкой, Сенька расхаживался на ходунках. Шагал с трудом, волоча левую ногу, наклонившись вперёд. Совсем не похож на себя, спортивного, уверенного. Сердце сжималось от жалости. Но тратить время на сантименты – большая роскошь в такой ситуации. Её помощь требовалась мужу, так она его про себя называла теперь. И это нравилось ей. Временами её охватывала уверенность, что всё закончится благополучно. Сердце томилось предощущением счастья.

Они мало разговаривали, да и в прежней жизни они не были говорунами. Семён считал, что мужчина должен зарабатывать много денег. Вот и сейчас, как только стало полегче, по мобильному телефону наставлял друга, чтобы тот кубатурил, то есть думал, как подороже продать «Буран». С такой травмой ка-

кая теперь охота и какой «Буран»! А деньги потребуются на санатории и реабилитационные центры.

Сеня не выпивал, не курил. С таким человеком можно было строить семью. И Ира давно бы бросила институт. Профессия бухгалтера ей не нравилась. Да и никакая другая тоже. Ей нравился Сеня. И она готова была всю свою жизнь посвятить мужу: готовить вкусную еду, стирать, родить ему ребёночка, а может, двух. Но практичный Семён её строжил, велел учиться, какую-то старушечью пословицу повторял: «Ремесло за плечами не висит...»

Олег Владиславович забежал в палату весёлый и довольный, его радовало, что Семён быстро встаёт на ноги.

– В рубашке, Семён, родился! – энергично говорил он, видевший не раз, как становятся лежачими инвалидами люди после таких травм. – Вашему соседу повезло меньше. Но тоже повезло, – кивал он в твою сторону.

Ирин сбивчивый рассказ о том, как Сене стало плохо утром, воспринял спокойно. Ходили утром умываться, Сеня привёл себя в порядок и ждал у стены, пока она почистит зубы, что-то её затревожило, она обернулась и увидела, что у него закатились глаза и он сползает по стене. Бросилась к нему, но где уж ей одной удержать восемьдесят килограммов, помогли другие больные, прибежали медсёстры, кто с нашатырём, кто с каталкой, привезли в палату. Почёсывая мизинцем левый глаз, доктор объяснил: «Бывает такое. Слаб ещё. Но это пройдёт. Да и вообще скоро к выписке, Сеня, тебя будем готовить. Рад?»

Конечно, они были рады. После месяца, проведённого в больничных стенах, и серая погода на улице – осень не осень, зима не зима, казалась обещающе весенней. Ира запаковывала вещи, когда в палату зашёл незнакомый мужчина, увидел Сеню, заулыбался. Сеня ему тоже обрадовался. Как-никак пять лет занимался у Пал Палыча борьбой в юношеской спортивной школе. Семён, уже, наверно, в сотый раз, принялся описывать аварию на трассе. Потом, спохватившись, представил: «А это дамочка, которая за мной ухаживает». Тренер внимательно посмотрел на неё. А Ира ничего не могла сказать. Стояла опустив руки и улыбалась беспомощно.

БУДНИ

В палате освободились сразу две кровати. Дмитрий Александрович разрешает мне занять ту, что рядом с твоей. После полутора месяцев ночёвки на полу, на сквозняке я простудилась, мучает кашель. Но это мелочь по сравнению с тем, что у тебя

до сих пор стоит катетер, никак не удаётся от него освободиться: не пропускает сигналы к мочевому пузырю спинной мозг.

Когда снимают нехитрый аппарат на дезинфекцию, наступает и время проверки, начал ли действовать самостоятельно мочевой пузырь. Увы! Никаких проявлений активности. К тому же в палате много людей. Кроме больных, ещё и посетители, сосредоточиться на таком нехитром занятии при свидетелях не каждый может.

Катетер очень мешает при занятиях. Олег Владиславович разрешил тебе уже и сидеть нормально, под девяносто градусов. Однажды он помог поставить тебя на четвереньки на кровати. Усмехнулся весело своими голубовато-серыми глазками и сказал бодро: «На ноги встанет». Велел каждый день повторять упражнение. С катетером это делать не очень-то удобно. Но делаем. Сам ты, конечно, перевернуться и встать в нужную позицию не можешь, одной у меня сил не хватает, а Настя после отпуска вышла снова на работу. Каждый вечер приезжает зять.

Уже выходя из палаты, торопясь к своим больным, Олег Владиславович на ходу сообщает ещё одну новость: результаты томографии, которую ты на днях проходил, обнадеживающие.

– Конструкцию мы поставили очень даже ничего, – и так напевно и весело это у него выходит, что и у меня сердце взвеселилось. Теперь я уже и не сомневаюсь, когда придёт пора – ты встанешь и пойдёшь.

А ты даже не улыбнулся этим словам доктора. Удивляюсь твоей прохладной реакции, но обдумай после, а сейчас много дел, вот-вот должна подойти София Ивановна, потом Лариса Сергеевна, потом самостоятельные тренировки...

Накануне, в воскресенье, в палату зашёл дежурный врач, он же заведующий отделением, нестарый ещё, неприветливый увалень. Кроме тебя здесь никого не было. Ходячие разошлись по домам, я куда-то вышла. Заведующий спросил тебя о самочувствии, а уходя, невыразительно бормотнул:

– Коляска так или иначе тебе обеспечена на всю оставшуюся жизнь.

Ты в ответ промолчал, мне тоже ничего не сказал. Но к занятиям – старание пропало. При Ларисе Сергеевне ещё работаешь, а два самостоятельных занятия я чувствую – сгибаю твои ноги я почти что одна.

Говорю с огорчением:

– Мне занятия не нужны. Я и так бицепсы накачала. Это тебе нужно.

Правой – ты уже можешь успешно пошевеливать

сам. Левая тоже подаёт признаки жизни, на икре, прежде обвисшей жалкой безжизненной тряпочкой, начинают появляться мышцы. Убеждаю не лениться, настаиваю на более интенсивных занятиях.

– Давай быстрее вставать. К весне пойдём гулять в сосняк, – я искренне верю в сказанное. Тело оживает, твоё восстановление – дело времени. Ты, такой-то разговорчивый, упрямо молчишь. Потом приводишь веский аргумент – слова заведующего отделением: «Коляска обеспечена».

Не могу взять в толк, как врач такое мог сказать больному. Зачем? Чтобы запрограммировать на неуспех? Но это вроде бы ему и ни к чему. К тому же, по большому счёту, здесь и не знают, как складывается судьба выписавшихся из клиники больных. Кто встал, кто остался лежать – такой статистики нет.

Но и тебе я верю.

– Знаешь, он, наверно, разозлился, что о тебе так усиленно хлопочут. Шлют рекомендации из департамента. Среди врачей тоже всякие люди встречаются. Есть и такие, для которых больные – только объект, только прооперированная часть тела. А Олег Владиславович и Василий Васильевич верят, что ты встанешь и пойдёшь.

Аргументы броневой, и в этот раз мне удаётся тебя убедить.

В палату должен поступить новый больной. Больше всех хлопочет санитарка Арина, молодая круглолицая блондинка. Издалека посмотришь на неё – красавица, а заглянешь поближе в некрупные глаза, хитро припрятавшиеся в припухлых веках – отойти сразу же хочется подальше, отталкивает. Она аккуратная, подтянутая, быстрая. От младшего медперсонала держится особняком, дружит с медсестрой Лизой, с ней обедает и чаёвничает, когда выдаётся свободная минута. Да и день рождения справляла в сестринской.

Когда заболевает или берёт отгулы раздатчица Таня, Арина развозит по коридору тележку с огромными баками еды. Порции для больных во время её триумфа (поднялась по служебной лестнице) значительно сокращаются. Говорят, Арина держит свиней, а кормит их отходами с больничной кухни. Огромные молочные баки для обедков стоят в конце длинного коридора.

Больные ропщут, не ко всем приходят родственники с передачами, но пожаловаться на ловкую санитарку тоже никто не спешит. Из-за тарелки супа не стоит затевать бучу. Да и бесполезно, добавляют другие, кто получше знает здешние порядки.

Арина бодрей обычного залетает в палату, весело сообщает:

– Брат здесь будет лежать, – и показывает на койку, где уже лежит моё одеяло.

Я бы и подчинилась. Наше зависимое, подневольное состояние давно почувствовала. Не такое, конечно, как в армии или в лагере, наверно, но всё же – низшее на иерархической лестнице в «народной больнице», как однажды не то в шутку, не то всерьёз назвал наше заведение Дмитрий Александрович.

– Но Дмитрий Александрович разрешил занять мне именно эту кровать, – возражаю я не очень громко, но настойчиво. Я согласна спать только рядом с тобой: встаю по-прежнему через два часа, переворачиваю с боку на бок, массирую ноги, когда их сильно дёргает, одолевает спастика.

Арина ещё для вида что-то говорит мне, потом сердито шваркает шваброй пол. Инцидент исчерпан? Мне так не кажется, хотя Аринин брат и занимает место с краю у окна. Позвоночник, кстати, у него в полном порядке. Мучает высокое давление. Пробыл он в палате несколько дней – и выписался без диагноза. Я встретила его в коридоре у кабинета заведующего отделением. Внешне полная противоположность сестре: она кругленькая, белая, как сдобная булочка, он – высокий, худой, тёмноволосый. Говорю ему об этой бросающейся в глаза несхожести.

– Арина – двоюродная, сама меня сюда затащила, – улыбается он. – Не по назначению.

Как-то вечером, перед отбоем, к нам в палату приходит Лиза, очень озабоченная, носом-уточкой водит и говорит мне:

– Поступил новый больной. Матрац мы у вас забираем. Может, и кровать потребуется.

Разговорчивый толстяк Хрынкевич лёг на место Аринино брата на днях, здешние порядки знает лучше других – не первый раз в отделении хирургии позвоночника, но и он озадачен:

– Чего это она, хочет сказать, что дожились до последнего комплекта? Идите к санитарке, спросите у неё матрац – есть, и не один.

Дежурная санитарка сегодня Арина. У неё-то точно для меня ничего нет. Постилаю ватное, старинное двуспальное одеяло на пружины под бок, его мне принесла Настя, другим краем накрываюсь – это ли проблемы?

Ты сильно нервничаешь из-за этой глупейшей ситуации, а главное, от своей беспомощности:

– Как спать будешь? Промучаешься всю ночь! – голос у тебя стал громче, чем в первые дни после операции, но всё же ещё очень слабый.

– Даже и не думай! – говорю весело. – Я так уснула, что на камнях усну, если у тебя ночь спокойная будет.

Утром сестра-хозяйка, весёлая немолодая толстуха, заглянула в палату рано, я ещё не успела подняться.

– А это ещё что такое? – бодро удивляется она. Задумчиво выслушивает объяснение о новом больном и ведёт к себе в кладовую за матрасом. По пути прихватывает с батареи старую наволочку. Кто-то из ухаживающих принёс для мытья пола. (Иногда моем пол сами. И санитаркам помощь, да и чище в палате, влажной шваброй всю пыль не соберёшь. Мы же в перчатках и с тряпкой куда лучше боремся с грязью.) Хрынкевич задумчиво замечает:

– А новую наволочку себе возьмёт.

Я смотрю на казённое серое бельё, сильно сомневаюсь, что такое захочется иметь дома. Но не спорю: бесполезно и неинтересно.

ТАРЕЛКА КАШИ

Хрынкевича, по его словам, мучают сильные боли, какой-то неудалённый осколок кости причиняет мучения, давит на спинной мозг. И он лёг на обследование. Удивительно, что в таком состоянии сосед спит беспробудно, а храпит так, что трясутся стены. Мешает всем ночью, а нет на свете злей человека, которому не дают спать.

Утром Хрынкевич долго и очень убедительно извиняется за своё ночное поведение. Все отмякают. К тому же он очень услужлив, приветлив, разговорчив. Для тех, кто интересуется, показывает маленький альбомчик с видами своей, в трёх уровнях, неподалёку от областного центра, дачи. Строил двадцать лет, всё делал, как он рассказывал, сам: и кладку клал, и оборудование монтировал. Экономил с семьёй в большом и малом. Весь опыт, можно сказать, вложил, а когда стал крышу крыть – хилая алюминиевая лестница не выдержала стокилограммовой тяжести, упал спиной, ударился об угол железного корыта для раствора, получил сильные ушибы, сломал позвоночник.

Порой удивляешься, как распоряжаются человеком силы нездешние. Любимое дело обернулось большой бедой. Это ли не ирония судьбы?

– Надо было нанять человека крышу крыть металлочерепицей. Пожалел восемь тысяч, – с горькой улыбкой вспоминает он, – пришлось выложить восемьдесят.

Во столько обошлась ему операция на позвоночнике. Да и впереди, похоже, здоровья теперь ему не видать. Каждый день приходится принимать обезболивающие таблетки. От постоянного их употребления желудок захандрил. Потом случился инфаркт. Но всё равно в последний год он на тачке всё

лето возил песок на свой участок к новому дому. Перевёз десятки тонн. Даже бутерброды, которые с собой брал на обед, приносил домой нетронутыми. Так увлекался работой.

Хрынкевич часто прогуливается по коридору. Пожилой, невысокий, увесистый, лицо из тех, что с первого раза вряд ли запомнишь: большое, бесцветное, с маленькими, светлыми, точно выгоревшими глазами, с широкой нижней челюстью. Пристраивается к таким же бесцельно фланирующим больным, заводит разговор. И скоро уже всё отделение нехотя узнаёт о даче-мечте в трёх уровнях, о полученном на строительстве увечье и о желании непременно достроить, воплотить в жизнь свою фантазию, возникшую в девяностые годы прошлого века, когда он был начальником цеха крупного завода и ничего запредельного в его планах не было. Только сейчас-то кому он строит свою дачу-памятник? Сын за всё время навестил его один раз, принёс бутылку какой-то газированной воды и связку бананов. Часто приходит маленькая тихая жена, но та и совсем с пустыми руками. Сам Хрынкевич ни разу не спустился на первый этаж, в буфет, довольствуется больничным рационом, воду с привкусом ржавчины берёт из бачка – всё, что сэкономлено – для дачи.

Я гуляю по коридору только вечером и ночью, днём некогда. Но Хрынкевич и к моему торопливому шагу умудряется приспособиться. При его округлости это ему удаётся нелегко, и, что удивляет, вовсе не про дачу говорит.

– Вы платите Ларисе Сергеевне и Софье Ивановне за массаж и лечебную физкультуру? – вкрадчиво спрашивает он.

– А почему вас это интересует? – рассеянно спрашиваю я. И только потом уже удивляюсь.

Правда, что за неумеренный интерес к самым обычным делам? Что-то показалось в нашей ситуации незаконным? А брать от сорока до ста тысяч за операцию законно, а держать на каталке попавшего в аварию, изувеченного человека, пока родственники не привезут деньги из соседней области, тоже в порядке вещей?

Хрынкевича моя холодность ничуть не отпугивает, разъясняет:

– Так всем положено только десять сеансов ЛФК, а к вам всё ходят и ходят специалисты.

Совсем разонравился мне после этих слов Хрынкевич, хоть и ремонтировал вчера наш кипятильник, а до этого помогал собирать шарики ртути из разбитого мною градусника. Наделала я переполоха в палате. Сергей, с соседней койки, посмеивался. А Люба, его жена, маленькая, суетливая, успокоиться не могла: пары ртути ядовиты!

– Пойду проситься в другую палату, пусть переведут!

Да ведь и права! Я и сама чуть не плакала, ползая под твоей кроватью, закатывая на листок юркие кругляши. Хрынкевич тоже с трудом встал на колени. Наклоняться и присаживаться на корточки он не может из-за титановой конструкции в поясице. Помогал, потом громко объявил, успокоил волновавшуюся даму:

– Всё собрали.

– Правда всё? – потихоньку спрашиваю я его.

Он усмехнулся:

– Больше половины. Но это не опасно. Здесь других ядовитых испарений хватит, за десятилетия все стены ими пропитались.

Я была ему очень благодарна тогда, сейчас его любопытство неприятно настораживает, и я говорю, глядя прямо в белесые глаза:

– Я никому ничего не плачу. Мой муж – интересный больной, перспективный. И врачи делают всё возможное в этих условиях, чтобы он быстрее встал.

Наверно, этот тёртый калач мне не поверил. Отошёл, не очень скрывая своё неудовольствие. Да и ладно! Мы с тобой ничего не говорим друг другу о соседях по палате, я думаю, что тебе не до них. Ты что-то пишешь в свой маленький блокнот. Вечером показываешь запись мне, свою зарисовку о Хрынкевиче.

В воскресенье собрался к сестре на день рождения:

– Хоть мяса у неё поем. А то соскучился, без мяса уже неделю...

А иначе бы не пошёл.

Вернулся в понедельник с цветными фотографиями:

– Посмотрите... Похож я на Николая Второго?!

На фото та же рыжая шевелюра, широкая нижняя челюсть, хитроватое лицо лопатой, что-то низменное в этом грубом лице, так не идущее к офицерскому кителю с георгиевскими крестами на груди. Бутафория: в фотоателье одели.

Когда-то поставили его начальником цеха на заводе, отработал три месяца и ушёл, а то там и до инфаркта можно доработаться: как планёрка – дают разгон! Сантехником же и дачу легче строить – брал и ташил со склада всё, что можно и нельзя. И часто ездил по турпутёвкам за границу, в социалистические страны. По тогдашним временам редко такие путевки выпадали простым сантехникам. Хвастается: а вот в Болгарии... а вот в ГДР... а вот в Венгрии... Как заведёт – не остановишь: как там хорошо и не по-нашему, как едят, как пьют, как в уборную ходят...

– Ещё бы их в клетку посадить! – и совсем бы рай: и ходить не надо! – не выдержал его ровесник из областного архива Козлов, историк, никогда за границей не бывавший.

Козлов в хранилище по стремянке залез к верхней полке стеллажа с документами, под потолок, и оступился: о железную стойку перебил позвоночник и сильно ушиб стантовую жилу.

«Раньше таких говорунков за границу отпускали в качестве стукачей: в каждой группе туристов – свой человек, потом они отчёт давали, кто что болтает», – неприязненно думал Козлов, лежавший на спине, сам он перевернуться не мог: переворачивала его жена, ночевавшая здесь же, на полу, на матрасе, в смрадном воздухе с запахом испражнений, гноя и лекарств, какой обычно стоит в палатах с тяжёлыми больными.

«Ещё ему трубку в зубы – и точный портрет Карла Радека, такой же рыжий, конопатый и с бакенами такими же», – думая про себя, сравнивал вло архивист.

А рыжая конопатая физиономия удивлялась вслух:

– Как за тобой ухаживают хорошо...

И жене:

– Никто так, как вы, не ухаживает... И какие две красивые женщины приходят, массаж делают... Только от их вида ты должен встать! – и освещался маслянистой улыбкой – вспоминал к слову какой-нибудь двусмысленный, а то и похабный анекдот.

А вечером, когда я подошла в коридор забирать с каталки для тебя ужин, Таня, раздатчица, милая женщина с усталым, немолодым лицом (сколько здесь усталых лиц!), очень расстроенная, шепнула мне:

– Ваш Хрынкевич пожаловался сестре-хозяйке, что я вам утром тарелку каши дала.

Что верно, то верно. Питаясь в больничном буфете салатиками и сосисками, я бываю рада и тарелке больничной тёплой каши, которую вручает мне Таня вместе с едой для тебя. Каша – не котлеты или другие порционные блюда, она всегда остаётся в кастрюле, остатки сливают в большие баки, те, что стоят в конце коридора.

Мне очень жалко Таню, пострадала из-за своей доброты. У неё дома муж – инвалид второй группы. Знает что почём в этой жизни.

– Танечка, мне очень жаль. Из-за меня у вас испортились отношения с начальством.

– Я уйду отсюда, – шепчет Таня со слезами. – Закончу месяц, получу деньги – и уйду. И вовсе не из-за этой каши!

Хрынкевича выписали неожиданно и при

странных обстоятельствах. Возвращался он утром в палату, уезжал ночевать домой, усоветился, что все из-за него не спят. В коридор зашёл, вопреки больничным правилам, не натянув на ботинки бахилы, синие полиэтиленовые мешки. Из экономии никогда не тратил на них деньги. На его несчастье встретился заведующий отделением, загромыхал на весь коридор:

– Нарушение больничного режима, выписать!

Хрынкевич в палату всё же прошёл. Разулся, разделся, лег на кровать. Лицо посерело, пот на лбу выступил. Я побежала искать медсестру. На смене была Наташа-красивая – спокойная, мягкая в движениях, тихая в разговоре. Померила давление – зашкаливает. Подошёл Дмитрий Александрович, назначил препараты.

Задержали Хрынкевича в палате на день, ввели давление в обычные для него параметры – и вперёд, на волю. Уходил очень расстроенный. Всё-таки надеялся, что осколок, мешающий ему в поясничном отделе позвоночника, достанут. И остаток дней своих доживёт без большой боли.

Мне жаль сопалатника, решение кажется несправедливым. Но думать, чем оно вызвано, – нет времени. Уверена, что не отсутствием бахил. Может, настучал доктору о том, что здесь сознательно не замечают? Не такая уж тут строгая дисциплина, чтобы из-за мелочи выставлять больного на улицу.

Я сама несколько раз выпроваживала из коридора людей в грязной одежде и уж, конечно, без бахил – явно не посетителей. Ютились бомжи в подвале больницы, случалось, заглядывали и в палаты к послеоперационным больным. А один раз такого непрошеного гостя выгнал из палаты ты, тогда ещё совсем немощный.

Перед тем как спуститься в буфет, я помогла тебе повернуться на бок, лицом к стене. В палате из ходячих оставался тогда Георгий. Без разговоров ему очень скучно, и он направился в коридор в поисках собеседников. Ушёл. Вдруг в тишине – вороватый скрип двери и крадущиеся, почти бесшумные шаги. Ты и поворачиваться сам к тому времени ещё не умел. А тут как-то исхитрился, оттолкнулся рукой от стены и оказался на спине. К нашей тумбочке тянул грязную, в язвах и болячках руку какой-то бродяга.

– Пошёл вон! – тихо сказал ты, по-другому не получалось. Но бродяга и этого испугался, заюлил:

– Ты чего, мужик? Тебе показалось! А ты здесь один лежишь?

– Да нет. Сейчас придут. В коридоре не встретились?

Бомж исчез так же бесшумно, как и появился.

Первоначальный испуг после твоего рассказа

сменяется радостью: ты САМ повернулся, ты освоил новое движение!

ВОТ НОВЫЙ ГОД ПРИШЁЛ

После врачебного обхода появилась свежая с мороза, улыбающаяся дочка Настя с серьёзным и немного торжественным мучем:

– Мапочка, с днём рождения!

И протягивает кофточку шерстяную, красную.

Вот уж угадала, моя практичная дочурка! Здесь, в больнице, я не то что пообносились, а вывалилась из своих вещей: юбку могу надевать, не застёгивая молнии, могу и потерять на ходу – непомерно широка в талии. Давно донашиваю дочкину старую. А блузка висит бесформенным мешком.

Бегу в туалет переодеваться, а где ещё? Там у умывальников висит зеркало. В сумеречном свете рассмотреть можно только общие очертания, но и от этого неполного погляда могу заключить: больница и здоровых не красит. Не зря же Ира, «дамочка, которая ухаживает», перед выпиской здесь, у зеркала, с досадой сказала:

– Сенина мама выглядит сейчас моложе, чем я. Кажется, Сене это не очень нравится.

– Вся красота вернётся на воле, – утешила я девчушку, тоненькую, хрупкую и действительно поблекшую в душной больничной атмосфере. – В девятнадцать на это не потребуется много времени.

Ах, эти женские наивные заботы: не только душу свою всю до донышка отдать ЕМУ, но и оставаться при этом приглядной, желанной. Бедная девочка, похоже, твой Сеня ничего не понимает в красоте. Может, потом, с возрастом, оценит и жену свою, и её ранние морщинки, и терпение, с которым она переносит капризы, отвечая на самые вызывающие только легким укором. Летите, пташки! Вы всё равно счастливы.

В палате на подоконнике за твоей головой дочка расставила тарелки с салатами, а бутылка коньяка целомудренно припрятана в сумке. Тебе пока с этого праздничного стола ничего нельзя, да и другим больным тоже алкоголь категорически противопоказан.

Зато к нам присоединяется Алексей, всегда наспуленный господин. Он ухаживает за сыном Стёпой, попавшим в аварию, а сначала дежурила возле сына мать, потом жена. Женщины дежурят по два дня, Лёша – три. Так менялись весь месяц. Наш сотрапезник, выпив рюмку, сердито кивает в сторону сына:

– Помутил воду батогом. Теперь все рассчитываемся. Детинка не без судыбки.

– Не виноват я, что вынесло машину на встречную полосу, – страдальческим голосом отзывается с кровати Стёпа, молодой ещё парень, бледный, без кровинки в лице. – Час минёшь – век живёшь. Я вот не миновал.

Молчим. А что скажешь, все здесь не миновали. А кто миновал – тот на воле, не думает ни о чём плохом.

Свои дни рождения я не люблю. Угораздило появиться на свет в конце года. Все хлопочут о большом празднике, а твой маленький вроде бы и ни к чему, лишний. Может, так и было, пока дочка не повзрослела. Где бы ни находилась, всегда стремится в этот день домой попасть. Но сейчас и правда праздник. Накануне Олег Владиславович сказал, что ты вышел из стабильно тяжёлого состояния. Наверно, это не значит, что нет угрозы жизни, просто ты понемногу возвращаешься к нам. Вот и сегодня утром раньше всех ты тихонечко сказал:

– С днём рождения, Ната.

Настя остаётся дежурить у твоей кровати, отпросилась с работы. Я еду на Институтскую отдохнуть, привести себя в порядок. Из окна автобуса смотрю на размытые синеватыми сумерками огни ёлок, разноцветные гирлянды, мишуру и блеск. И это великолепие не задевает ни глаз, ни чувств. И улыбки пассажиров автобуса – натянутые, искусственные. Такого тяжёлого года, какой все провожаем, никогда у меня не было. Будет ли легче следующий? Загадывать не берусь.

На Новый год остаёмся в больничной палате вдвоём. На место Сени никто не поступил. Выписывают перед праздником и Стёпу. Ради такого торжественного случая у его кровати собрались и мать, и отец, и жена, миниатюрная блондинка, сделавшая макияж даже в день Стёпиной операции, из чего медсёстры заключили, что холодная красавица Стёпу совсем не любит. А может, они и не правы.

После их отъезда санитарка Аня моет тряпкой, намотанной на швабру, пол, сегодня она весёлая, и даже мелкие морщинки расправились на бледном лице, обещает:

– Приду к вам встречать Новый год.

Не пришла, застряла в соседней мужской палате, там народ подобрался лихой, да и почти все ходячие.

Что делать в гулкой тишине больницы? Читаем друг другу стихи. Не рождественские и новогодние, а первые, что приходят на ум.

Я – Блока:

*Мы сам-друг над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
Над Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат!*

Ты мне – Даниила Андреева:

*...Будь спокоен, мой вождь, господин,
Ангел, друг моих дум, будь спокоен:
Я сумею скончаться один,
Как поэт, как мужчина и воин.*

Я достаю из верхнего ящика старенькой тумбочки пачку стихов Нади Папорковой. Мы с ней до недавнего времени были знакомы только по публикациям. А тут, право слово, ангел во плоти с негромким выразительным голосом, с застенчивой улыбкой появился в палате. Милое лицо без макияжа, детскость во взоре, незащищённость... А разговоры взрослые, умные, о литературе. Оставила пачку стихов, отпечатанных на принтере.

*Не ухожу, не лгу, не прячусь, не бегу.
В любом земном краю я всё равно с тобою.
И вертится земля в сиреневом снегу,
И полон каждый шаг её привычной болью.*

Тихо в больнице. На праздник всех ходячих отпустили по домам. Рано выключаем свет, хорошо переговариваться в темноте негромкими голосами. Вдруг ты неожиданно говоришь:

– ТАМ совсем не страшно. Прозрачный, какой-то хрустальный свет, нет боли. Я бы ТАМ мог остаться.

Я понимаю, о чём ты. Там, где ты был, не надо страдать, бороться, отвоёвывать у болезни каждое движение. Всё происходит помимо тебя, помимо твоей воли. Мне больно вместе с тобой:

– Давай ещё вместе поживём. ТУДА – успеем. Вдвоём мы сможем отбарахтаться от болезни. И много всего хорошего ещё увидим и переживём.

Засыпаем задолго до Нового года под всё усиливающийся гул нетрезвых голосов, доносящийся из соседней палаты.

(Окончание в следующем номере)

Надежда Леонидовна КУСКОВА –

*член Союза журналистов России,
в прошлом – корреспондент областных изданий
и ярославского областного радио.*

*Публиковалась в центральных газетах,
в региональном журнале «Русский путь»,
в журнале ярославских писателей «Причал»,
в коллективных сборниках.*

Автор двух книг прозы.

Живёт в Мышкине Ярославской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

